

1965, Октябрь №1.

Эммануил КАМИНКА,  
заслуженный артист РСФСР

# МЫСЛЬ, ДЕЯ, СЛОВО

Я получил письмо:

«Дорогой товарищ Эммануил Каминка! Я участник художественной самодеятельности. Очень люблю литературу. Передо мною и моими товарищами часто возникают вопросы, требующие квалифицированного ответа. Нам дозрелу нужен для выступлений на НАШИХ ВЕЧЕРАХ добротный репертуар. Нужно поднять КАЧЕСТВО НАШЕГО ИСПОЛНЕНИЯ. Нам необходимо чаще слышать со страниц газет не только хвалебные отзывы, но и справедливую критику. Нужен постоянный обмен опытом между разными коллективами, систематические беседы с писателями и чтецами. И желательно, чтобы эти встречи носили не официальный характер, а проходили в непринужденной обстановке. Возможны многие другие формы более тесного сотрудничества... А пока что разрешите встретиться с вами и поговорить запросто, по душам...»

И вот передо мной сидит добродушный молодой человек, часто перекалывающий от смущения из руки в руку свернутые трубочкой газеты.

— На что жалуетесь? — шутя спрашиваю я.

— Болезней много... — улыбается гость. — Раньше «болел» за свой драмкружок. Теперь «болею» за чтецов.

— Занимаетесь с каким-нибудь режиссером, педагогом?

— Нет. Хожу на концерты. Понравится что-нибудь из репертуара профессиональных артистов, выучу — и полный порядок. Публика аплодирует, в местке говорят: «Растешь, становишься настоящим артистом». Называют «наш сатирик».

— И вас это вполне устраивает?

— Не совсем, — краснеет мой собеседник.

— Та-а-ак! Один — ноль в вашу пользу! А вы не пробовали найти произведение советского писателя и подготовить его самостоятельно, никому не подражая?

— Пробовал. Не получилось.

— Может быть, рассказ был неподходящий? Не все, что написано для чтения глазами, годится для восприятия на слух. А может быть, рассказ был хороший, а вы его неудачно исполнили?

— Может быть... Но почему же, когда мы заимствуем у кого-либо из популярных эстрадных артистов уже проверенный на публике номер, успех обеспечен? Значит, дело не только в исполнении, но и в авторском материале?

— Видите ли, профессиональный артист перед тем, как приступить к работе над новым номером, в большинстве случаев старается предварительно поработать вместе с режиссером над текстом. И вполне закономерно, что хороший текст в соединении с хорошим исполнением дает блестящий эффект. К сожалению, среди участников художественной самодеятельности и даже среди профессионалов встречаются такие «артисты»: ничего не выдумывают, не изобретают, а пользуются чужими достижениями, «заимствуют», как вы выразились... Это порождает иждивенчество, халтуру.

Среди руководителей художественной самодеятельности есть немало хороших режиссеров, педагогов, артистов театров. Но кружковцам необходимо и самим быть более активными.

— Но одного этого еще недостаточно...

— Безусловно! В первую очередь нужен талант, который определяет самобытность, индивидуальность художника. Большой мастер советской эстрады Леонид Осипович Утесов писал про другого большого мастера эстрады Льва Борисовича Мирова, что его ни с кем не спутаешь, что он не второй — он первый. Он оригинален и никому не подражает. А это и составляет силу настоящего артиста. На эстраде много талантливых людей, но мало артистов с яркой индивидуальностью. Когда говорят: почему у нас нет второго Мирова, второго Райкина, второй Мироновой, — это удивляет и смешит. На эстраде не должно быть вторых. Не должно быть копий, не должно быть подража-

телей. ПРОДОЛЖАТЕЛИ — пожалуйста! Но подражатели?...

Сказанное Утесовым относится не только к эстраде. Это относится ко всем жанрам искусства, которому нужны не «работники» разной квалификации, а разнообразные таланты, яркие индивидуальности. Я убежден, что как раз в художественной самодеятельности имеется немало алмазов, которые после определенной шлифовки смогут в дальнейшем украсить созвездие наших мастеров.

— Мне тоже кажется, — согласился мой собеседник. — Но — каждое плодородное дерево требует обрезки, полива, тщательного ухода. Я подчеркиваю: каждое дерево, несмотря на то, что на участке их множество. А некоторые директора клубов и дворцов культуры предпочитают уделять внимание главным образом ансамблям песни и пляски, которые, как близнецы, похожи друг на друга, джазовым оркестрам и т. д. Я ни в коей мере не умаляю значения массовых номеров, но, по-моему, руководители клубов дела-

в скором времени скажут по этому поводу свое авторитетное слово, помогут разобраться во всех этих вопросах. Видите ли, несколько лет тому назад было совещание по вопросам эстрады. Было немало интересных выступлений, деловых предложений, но, к сожалению, практически многое осталось без изменений. Мне кажется, было бы неплохо созвать новое совещание — на этот раз участников художественной самодеятельности — и пригласить на него заинтересованных писателей и исполнителей. Это должно быть деловое, подчеркиваю, деловое, совещание, которое выработало бы конкретные, практические предложения и внесло их на рассмотрение Министерства культуры.

— Эх, если бы удалось все это осуществить! Нам, участникам художественной самодеятельности, больше всего нужны практическая помощь, квалифицированный совет, суровая критика. Вот, к примеру, некоторые считают правильным для чтеца из самодеятельности короткое, 10-минутное выступление. Другие тянут наших чтецов на большие композиции, монтажи... Что правильно? К чему стремиться?

— Мой дорогой друг! Чте-

автора, вызывал в зрительном зале то смех, то слезы, были для нас «школой высшего мастерства». Именно тогда у меня появилось непреодолимое желание заняться художественным чтением. Точно так же, как и вам теперь, мне казалось тогда достаточным «заимствовать» что-нибудь из давидовского репертуара, выучить наизусть и... успеха обеспечен! Однако все оказалось много сложнее.

Впоследствии, уже работая в Москве, я понял, что для выступления на эстраде, помимо хорошей памяти, дикции, голоса, словом, хорошей школы, требуется особый талант рассказчика. А если хочешь выступать с чтением юмористических рассказов, то нужно еще и обладать природным чувством юмора. В конце 20-х годов были в расцвете славы такие «короли юмора», как Борис Самойлович Борисов и Владимир Яковлевич Хенкин. Это были талантливейшие артисты своего времени. Они обладали удивительной способностью живого общения с зрительным залом. Исполнение Борисовым стихов Беранже, а Хенкиным — рассказов Зошенко было в то время «гвоздем» всех концертов и имело наряду с дру-

знакомых, он заводил обычный разговор о житейских делах и вдруг, незаметно для слушающего, включал в него текст рассказа, который готовил. Такой экспромтный переход являлся, по его выражению, ретелицей «на кроликах».

Судя по реакции своих слушателей, Хенкин понимал, в каком направлении ему нужно продолжать работать: что сократить, где изменить интонацию, ритм, что требует другой характеристики и т. д.

Иные исполнители читают десятки лет одно и то же. Но вдруг давно знакомая вещь начинает звучать по-новому... Это закономерно. Иначе исполнение стало бы штампом. В процессе репетиционной работы с режиссером формируется общий, основной план исполнения. Второй этап — выпуск работы на публику. А третий?.. Третий — работать над вещью всю жизнь!

— Скажите, а можно играть действующих лиц?

— В свое время пользовался огромным успехом артист Александрович театра Иван Федорович Горбунов, который сам сочинял свои рассказы и сам исполнял их в лицах. У него было немало последователей. И в наши дни некоторые актеры тоже «разыгрывают» исполняемые ими произведения.

Мне лично больше нравится манера и приемы замечательного чтеца Александра Яковлевича Закушняка, который писал:

«...Рассказывая литературное произведение, ни в коем случае нельзя увлекаться изображением действующих в них персонажей; нужно именно РАССКАЗЫВАТЬ о них. Не ИЗОБРАЖАТЬ, говоря о женщине или от ее лица, женский голос, а рассказывать об этой женщине и ее голосе, позволив себе иногда подчеркнуть и как бы проиллюстрировать характерные черты создаваемого образа выразительной интонацией...»

— Вы сказали, Эммануил Исаакович, что «Сирена» была одной из первых ваших работ. Вы читаете ее уже много лет. Что изменилось в вашем исполнении за это время?

— В рассказе есть, например, такое место, где секретарь суда говорит проголодавшемуся за день судьям о всевозможных вкусных кушаньях:

«После жаркого человек становится сыт и впадает в сладостное затмение».

И далее:

«Покуривши, подбирайте полы халата и айда и постельке! Этак ложитесь на спинку, животином вверх, и берите газетку в руки. Когда глаза слипаются и во всем теле дремота стоит, приятно читать про политику...»

В первые годы моих выступлений зрители на эти слова никогда не реагировали. Дело в том, что, сам не понимая тогда тонкости юмора фразы и ее подлинного смысла, я «пробалтывал» это место. Однажды Николай Мариусович Радин, блестящий комедийный актер и режиссер, предложил мне сказать эту фразу с другой интонацией, более точной, чем я это делал раньше. Я последовал его совету, и с тех пор в этом месте, как правило, всегда смеется зал. Вот только один из примеров, как время и бесконечная работа над произведением совершенствуют исполнение... В вашем письме ко мне вы высказали желание, чтобы профессионалы активнее помогали чтецам самодеятельности. Если наша первая беседа...

— Но, надеюсь, не последняя?..

— Будем надеяться. Одной беседы, конечно, недостаточно... Так вот: если эта беседа что-то дала вам, я буду считать себя удовлетворенным. Работники литературы и искусства очень тепло относятся к своим младшим братьям и всегда рады видеть успехи нужного и полезного искусства художественной самодеятельности.

## ДИАЛОГ С УЧАСТНИКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ют ошибку, когда перед очередными смотрами художественной самодеятельности сосредотачивают все внимание и средства главным образом на ансамблевых номерах. А что касается индивидуальных номеров, особенно чтецких, требований сводятся к тому, чтобы было «покороче и посмешнее». И получается, что мысль, идея, слово писателя, то, что требует сугубого внимания, воплощается насуп, с единственной целью — «отразить очередную кампанию».

— А сценка и невниманье к слову вреднейшим образом отражаются на программе всего концерта и на качестве исполнения.

Мой собеседник оживился.

— Когда мы слышим только: «Давай, давай! Покороче и посмешнее!» — многие из нас начинают метаться, без разбора «заимствовать» первые попавшиеся миниатюры, фельетоны, пародии, басни... То, что печатается в различных сборниках художественной самодеятельности, не всегда и не полностью удовлетворяет. Вкусы и требования у руководителей самодеятельности различные. Непосредственной связи с писателями мы не имеем. Консультироваться у квалифицированных чтецов и мастеров эстрады тоже не всегда возможно... Вы сказали, что в коллективах художественной самодеятельности встречаются опытные драматические режиссеры, но они заняты больше постановками спектаклей и не всегда являются специалистами в области художественного чтения, а в особенности труднейшего на эстраде юмористического жанра.

— Вы затрагиваете некоторые наиболее важные вопросы. Надо думать, что такие мощные организации, как Министерство культуры и Союз писателей,

цы — пропагандисты литературы, и они должны нести художественное слово всюду, выступать и с большими литературными программами, посвященными одной теме или одному автору, и в смешанных концертах. В этих случаях короткий рассказ, басня, шутливое стихотворение играют немаловажную роль. Пренебрежительное отношение к общим эстрадным концертам неправильно.

Эстрада эстраде рознь. Народный артист СССР Иван Петров, исполняющий в концертах наряду с ариями и романсами сатирическую «Блоху» Мусоргского или русские народные песни, — разве это не эстрада в самом лучшем смысле слова? Точно так же, как артисты Художественного театра, играющие отрывки из «Горячего сердца» Островского или из «Кремлевских курганов» Погодина. Эстрада — широкий фронт искусства, изобилующий разнообразием жанров и стилей. Десятиминутное выступление в смешанном концерте требует не меньшей, а может быть, и большей собранности творческих сил, поистине высокого мастерства.

Когда я был актером Харьковского драматического театра, к нам приехал на гастроли «дедушка русской сцены» Владимир Николаевич Давыдов, выдающийся актер Александринского театра. Давыдов часто выступал на эстраде и пользовался всеобщим признанием как гениальный исполнитель басен Крылова, шутливых стихов и даже песенок. Мы, молодые актеры, не пропускали ни одного его выступления. Большая сценическая правда, огромная любовь к слову, точные и естественные интонации, при помощи которых он, раскрывая замысел

своими вещами их репертуара шумный успех.

— А какие рассказы и каких писателей были первыми в вашей программе?

— Один из любимейших моих писателей — Антон Павлович Чехов. Актеры считают его произведения наиболее подходящими для концертного исполнения. В свое время с рассказами Чехова блистательно выступали Блюменталь-Тамарина, Москвин, Лужский, Леонидов и многие другие. Хорошие примеры заразительны. Я тоже решил попробовать читать Чехова. Моим первым рассказом была «Сирена». Выбирая рассказ, нужно прежде всего влюбиться в него. Влюбившись в выбранный объект, вы будете находить в нем все новые и новые красоты, глубоко проникать в события, осмысливать их, окрашивать их своими личными чувствами и переживаниями. Далее требуется определенное время, чтобы рассказ созрел, стал органичным, когда говорится уже не авторский текст, а как бы свой, собственный... Ни в коем случае нельзя спешить поскорее выносить свою работу на эстраду. И нельзя прекращать работу над произведением после премьеры. Особенно это относится к произведениям юмористическим, где реакция слушателей определяет очень многое.

Никогда нельзя абсолютно точно предвидеть, в каком месте публика будет смеяться. Бывает так: в том месте, где вы рассчитывали вызвать смех, в зале царит гробовое молчание, и наоборот: совершенно неожиданно смех раздается там, где вы его никак не ожидали. Между прочим, у Владимира Яковлевича Хенкина была своеобразная манера проверять будущую реакцию зрительного зала. Встречая